

— Чжоу Фу — это и есть Лю Фу? Я... я передал его императрице Цао...

Двое уставились друг на друга, словно в одно мгновение стали чужими. Оба почувствовали, как из самой глубины земли поднялся леденящий холод, проникая в кости и органы.

Пэй Лян приказал части отряда преследовать бандитов, а остальным — возвращаться в Чанъань. Он поспешно подтянул лошадь к Лю Юби и бросил:

— Скорее в Чанъань! Промедление грозит бедой!

Чанъань.

Ночной ветер, колючий и ледяной, свирепствовал в столице. Резиденция правого канцлера Цинь Сэня.

Канцлер Цинь вот уже несколько дней и ночей безвылазно находился в Запретном дворце, охраняя покой Фэн-ди. Домой он не возвращался, а если и заезжал, то лишь для того, чтобы наспех обсудить дела с советниками и гостями, прежде чем снова спешить по указу во дворец. Он был министром, снискавшим наибольшее расположение императора.

В последние дни город наводнили слухи и сплетни, всякие небылицы разносились по коридорам власти и торговым рядам. Внутренняя и внешняя обстановка в империи промерзла, как в лютую зиму, став холодной и безжалостной.

В ту ночь холодный ветер смешался с дождем. На улицах, кроме ночных дозорных, охранников и патрульных, почти никого не было. Перед воротами особняка на улице Сили, запертыми еще в сумерках, раскачивались на ветру фонари. Их тусклый свет дробился в дождевых каплях, превращая тени домов и людей в зыбкие, неверные призраки.

Внезапно в ворота резиденции канцлера кто-то громко забарабанил. Охранник, сонный и протерший глаза, едва приоткрыл створку, как ее с грохотом распахнули снаружи.

За воротами вспыхнули факелы, стало светло как днем. Перед ошеломленным стражем стояли сотни воинов в доспехах и боевом облачении. Впереди них восседал Чжан Цанлин, генерал, усмиряющий Запад. Он сложил руки в приветственном жесте и громко произнес:

— По приказу главы суда Дали, почтенного Ло Аошэна, я прибыл в резиденцию канцлера Цинь для поимки беглого преступника. Вчера особо опасный преступник совершил побег из тюрьмы суда Дали. По имеющимся сведениям, он скрылся в особняке канцлера. Этот злодей крайне жесток, прошу канцлера позволить нам войти и арестовать его для препровождения в застенки.

Слуга в ужасе побежал докладывать, вскоре примчался молодой господин Цинь. В гневе он

воскликнул:

— Как смее вы утверждать, что в особняке канцлера скрывается преступник? У нас есть своя стража, мы сами проведем обыск! С какой стати войска Императорской гвардии должны входить в дом канцлера?

Генерал ответил:

— Преступник опасен, лучше, если обыск проведут служители правосудия. К тому же, такова воля судебного чиновника, противиться ей нельзя.

Молодой господин Цинь пришел в ярость:

— Ло Аошэн всего лишь мелкий судья, а ты — армейский офицер при храме, как вы смее обыскивать дом канцлера? Кто ответит, если вы потревожите обитателей особняка? Мой отец, канцлер Цинь, сейчас во дворце при императоре, я дождусь его возвращения и тогда мы продолжим разговор.

Чжан Цанлин почтительно поклонился:

— В таком случае, прошу молодого господина не медлить с докладом.

Молодой господин Цинь подавил гнев и приказал подать лошадь. Но стоило ему повернуться, как Чжан Цанлин сделал резкий взмах рукой. Двое воинов, стоявших по бокам, мгновенно бросились вперед, схватили юношу за горло и с силой оттащили назад. Стража особняка, опомнившись, бросилась на помощь. Завязалась потасовка, возник хаос. Пользуясь суматохой, молодой господин Цинь вырвался, вскочил на коня и во весь опор ускорился прочь. Главный сыщик суда Дали хотел было броситься в погоню, но Чжан Цанлин жестом приказал не преследовать его.

Запрыгнув на высокую платформу у ворот, Чжан Цанлин проревел:

— Суд Дали проводит обыск ради безопасности народа и государства, никто не смеет препятствовать! Люди, входите внутрь и ищите преступника!

Толпа с криками хлынула в ворота, ворвавшись на территорию особняка.

— Обыскать каждый уголок! — гремел Чжан Цанлин. — Обязательно найти беглеца и доставить главе суда!

— Есть! — отзывались воины.

Более тысячи солдат Императорской гвардии, словно ураган, внезапно заполнили улицу Сили, окружив особняк плотным кольцом. Каждый при мече, в легких доспехах, с убийственным блеском в глазах. Ночные прохожие, заведя такое, в страхе разбежались.

По приказу Чжан Цанлина тяжелые ворота были выбиты. Он сам первым ворвался внутрь.

Домашняя стража попыталась оказать сопротивление, но была смята и рассеяна. Вскоре двор наполнился криками и хаосом. Дождь мелкой моросью оседал на каменных изваяниях лошадей перед парадным залом, пока отряды солдат проносились по некогда роскошным покоям, где еще недавно царили покой и богатство.

Внутри резиденции начался настоящий разгром. Особняк был окружен настолько плотно, что даже бумажный змей не смог бы вылететь наружу. Сотни слуг и домочадцев в панике метались по дворам. Солдаты суда Дали и гвардейцы вели себя как хозяева положения. Несмотря на то, что у канцлера была своя охрана, она не шла ни в какое сравнение с регулярными войсками.

Нашлись смельчаки, попытавшиеся протестовать, но Чжан Цанлин лишь насмешливо бросал:

— Не беспокойтесь, как только мы найдем преступника, я сам принесу извинения канцлеру Цинь!

Солдаты методично прочесывали дом за домом. В темноте, под звуки разбиваемой утвари и крики перепуганных людей, в особняке творилось невообразимое. Однако, среди гвардейцев были и те, кто действовал целенаправленно — это были сыщики суда Дали. Они не крушили мебель, а внимательно проверяли каждую комнату, будто искали что-то конкретное.

Управляющий особняком, видя, что хотя бы часть людей ведет себя сдержанно, немного успокоился, решив, что это действительно обыск, и после всего они еще призовут Ло Аошэна к ответу за такую дерзость.

Весть о том, что особняк канцлера окружен солдатами, быстро дошла до Чанъаньского столичного префекта. Управление префекта находилось неподалеку, и вскоре чиновник прибыл на место с отрядом стражи. Домочадцы канцлера, увидев его, в отчаянии закричали:

— Господин префект, защитите нас!

Префект выглянул из паланкина, оценил обстановку и понял, что дело приняло серьезный оборот. Солдаты гвардии начали окружать его самого. Но префект сохранил невозмутимость и громко провозгласил:

— Раз здесь сам генерал Чжан, значит, на то была воля великого маршала! Маршал и канцлер Цинь — соратники, оберегающие империю. Подобные меры приняты ради поимки особо опасного преступника. Граждане, не паникуйте! Когда преступника схватят, маршал и глава суда Дали сами наградят канцлера Цинь!

Все замерли, переглядываясь в недоумении.

Префект добавил:

— Я отправляюсь во дворец за высочайшим указом, ждите здесь, генерал Чжан во всем разберется, никому не причинят вреда!

Он скрылся в паланкине, и процессия поспешно свернула за угол, уносясь прочь. Чжан Цанлин лишь холодно усмехнулся, не пытаясь их остановить.

В особняке царил полный хаос. Хотя генерал Чжан строго приказал не причинять вреда людям, солдаты, опьяненные успехом и видом несметных богатств, вошли во вкус. Многие, пользуясь случаем, сводили личные счеты или просто грабили, круша все на своем пути под предлогом поиска беглеца.

Среди общего шума и плача лишь сыщики суда Дали продолжали свою работу, словно вихрь проносясь по комнатам и залам, их интересовали только внутренние покои.

Чжан Цанлин стоял во дворе, глядя в небо. Дождь начал стихать, на востоке проступила утренняя звезда. Внезапно из потайной комнаты за ширмой в кабинете донеслись радостные крики:

— Нашли!

Слуги особняка побледнели. Кто-то попытался броситься наперерез, но охрану просто отшвырнули. Смотритель суда Дали, держа в руках свитки, сиял от радости, а управляющий особняком выглядел так, будто увидел свою смерть.

Чжан Цанлин, глядя на документы, не мог поверить своим глазам:

— Неужели эти тонкие листки — и есть те самые свитки, способные отправить на плаху любого?

На рассвете перед воротами императорского дворца было пусто. В предрассветном тумане показались фигуры: несколько главных евнухов возвращались во дворец.

Стражники, среди которых были и солдаты Гуанлусы, преградили им путь. Старший евнух гневно воскликнул:

— Я главный евнух управления, выполнял поручение, немедленно отворите ворота!

Командир Гуанлусы был незнаком — высокий, с громоподобным голосом. Он отрезал:

— Без императорского указа вход запрещен.

Старший евнух покрылся холодным потом:

— Что за правила? Я не слышал о таком! Кто ты такой?

Командир молчал. Его солдаты схватили евнухов, собираясь связать их. В этот момент один из сопровождавших старшего евнуха сбросил плащ.

В свете фонарей перед воротами, преграждая путь страже, стоял человек в черном чиновничьем халате. Тонкий, как тростник, с бледным лицом, он казался простым ученым, но в его осанке чувствовалась незыблемая гора.

— Ты — Ван Цзэ, средний военачальник Гуанлусы, сменивший караул четыре дня назад. Согласно сорок первой статье устава дворцовых ворот, старшие евнухи четвертого ранга и выше имеют право свободного прохода в любое время. Похоже, ты плохо выучил правила, вступив в должность.

Лицо Ван Цзэ побагровело, он задрожал, но натянуто улыбнулся:

— О, это же почтенный глава суда Дали. Ло Аошэн прав, я действительно допустил оплошность. Ладно, пропустите евнуха. Но... — он окинул Ло Аошэна взглядом, — глава суда Дали без императорского указа войти не может.

Ло Аошэн едва заметно улыбнулся. В этот момент по дороге к дворцу проскакал всадник. Это был сын канцлера Циня. Он орал:

— Ло Аошэн, ты посмел обыскать особняк канцлера, ты хочешь совершить государственную измену?!

Ло Аошэн, не меняясь в лице, ответил:

— Я пришел сюда, чтобы лично доложить императору всю правду!

Сын канцлера хлестнул коня:

— Ты, наглый судья, совершил преступление, обыскав дом министра без указа, и еще смеешь оправдываться? Посмотрим, как ты войдешь во дворец!

Ван Цзэ приказал пропустить сына канцлера, но преградил путь Ло Аошэну. Сын канцлера промчался мимо стражи прямо в Запретный город.

Евнухи были в ужасе. Один из офицеров стражи, выхватив меч, бросился на Ло Аошэна:

— Ты посмел обыскать особняк канцлера! Он с тебя голову снимет!

Ван Цзэ, обрадовавшись, отступил в сторону. Если в этой суматохе удастся убить заклятого врага, это будет великой заслугой. Он притворно крикнул:

— Не смейте трогать господина Ло! — при этом освобождая путь для удара.

Евнух, сопровождавший Ло Аошэна, вцепился в его рукав, крича:

— Наглый Ван Цзэ, это ты совершаешь измену!

Ло Аошэн стоял невозмутимо. В этот момент из-за стены полетели стрелы. Одна из них сбила шлем с головы нападавшего солдата Гуанлусы, отбросив его на каменные ступени. Со всех сторон к дворцу стягивались отряды Императорской гвардии и сыщики суда Дали, вступая в схватку с гарнизоном.

Ван Цзэ взревел:

— Ло Аошэн, ты бунтовщик! Ты окружил императорский дворец?!

Ло Аошэн ответил спокойно:

— Обвинение в измене слишком велико, я не посмею. Ты, офицер Гуанлусы, блокируешь доступ к императору, не передаешь донесения — не это ли попытка скрыть правду от государя? Или ты ценишь приказ канцлера Циня выше императорской воли?

Ван Цзэ не нашелся, что ответить. В этот момент с высоких стен раздался громовой голос:

— Ло Аошэн, ты окружил мой дом, хочешь уничтожить мой род до девятого колена?

На стене стоял канцлер Цинь Сэнь, его лицо искажала ярость. Ло Аошэн сложил руки:

— Канцлер Цинь, я действую ради государственных интересов. Дождусь аудиенции у императора и буду держать ответ.

— Император болен и не принимает чиновников! — отрезал канцлер.

— Тогда прошу аудиенции у императрицы.

— Императрица при государе и тоже никого не примет!

Ло Аошэн холодно усмехнулся:

— Цинь Сэнь, сегодня император меня примет. Хочет он того или нет. Иначе тебе не избежать кары за подделку императорских указов!

Канцлер закричал:

— Ван Цзэ, он совершает измену! Арестовать его!

Ван Цзэ двинулся вперед, но Ло Аошэн посмотрел на него. В этом взгляде — холодном, пронзительном, как ледяная игла, — была такая внутренняя сила, что военачальник внезапно оцепенел. Откуда в этом хрупком книжнике столько мужества и уверенности?

Ло Аошэн перевел взгляд на канцлера. Мелкий дождь стекал по его лицу, словно слезы. Он смотрел на императорский дворец, и в этой тишине, нарушаемой лишь шумом дождя, чувствовалось приближение бури.

<http://bllate.org/book/21149/2144290>